

ФРУНЗЕНСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ОКРУГ

Актер, облеченный доверием народа

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ МОСКВИН

И. М. Москвин в Художественном театре — это особая тема. Это рассказ о том, как родился актер, как он рос, как он становился все крупнее и значительнее, как он вбирал в себя судьбы и жизни многих людей, расщепленных по России, как он стал подлинно советским художником.

Для нас, его товарищей по работе в Художественном театре, Иван Михайлович не только огромная артистическая индивидуальность, но и не меньший моральный авторитет, человек высокой этики, мнение которого часто является решающим для каждого актера, каждого работника театра. Занимает он или не занимает какую-нибудь административную должность, — все равно каждый его совет, каждое его замечание имеют для сотрудника театра непререкаемое значение.

В Москвине неразрывно, гармонически слиты, неделимы человек и художник, актер и гражданин. В нем нет и намека на разделение, на разрыв между взглядами и творчеством.

Иван Михайлович — человек огромной требовательности к другим и прежде всего к самому себе. Своим личным примером, строжайшим отношением к искусству и к общественной деятельности он зовет каждого относиться к своему большому или малому делу так же, как он. Зритель любит его особенно, и каждое появление Москвина на сцене зрительный зал встречает дружеской, радостной улыбкой, как будто на сцену вышел не просто исполняющий роль актер, а близкий и родной человек. Между Москвиным и аудиторией сразу устанавливается неразрывная связь.

Москвин глубоко, внимательно готовится к каждому выходу. В антракте, в минуты, предназначенные для отдыха, он думает о том, с чем он появится перед зрителем, и выходит на сцену уже внутренне готовым, с распахнутой душой, полный мыслей, чувств, страстей к волненью того человека, образ которого он в данный момент воплощает.

В нем соединены великолепное влечение, зоркая наблюдательность, взволнованность и упорный труд. Москвин не надеется беспечно на свой блестящий талант, а непрестанно совершенствуется, отшлифовывает его глубокой, усиленной работой.

Почти 40 лет назад на даче, в деревне Пушкино, когда готовился первый спектакль Художественного театра, Немирович-Данченко предложил Москвину, неопытному тогда актеру, главную роль в спектакле «Царь Федор». Это был очень смелый шаг, ибо у Москвина не было тогда большой сценической техники, у него был только талант, вера в искусство и горячая любовь к нему.

И этот шаг режиссера увенчался полной победой.

Какую глубину внес Москвин в исполнение этой роли! Скоро наступает 40-летие Художественного театра, но И. М. продолжает играть царя Федора, все углубляя, делая все более значительным и мудрым свое исполнение.

Уже тогда, 40 лет назад, сказалась основная черта творчества Москвина — его любовь к жизни и любовь к человеку. Он не мог не любить «суженных и оскорбленных», он не мог не бороться своими средствами, средствами искусства за то, чтобы человек был освобожден от всяческого порабощения, от всяческого гнета. Поэтому он так свободно вошел в революцию, может быть, сперва не осознавая вполне ясно тех целей, которые она себе ставит.

Москвин играл многие и различные роли. Их не перечислишь в короткой статье. Возьмем их основную направленность. Вот Пазухин в «Смерти Пазухина». В этой роли Москвин с необычайной силой показал, как жажда собственности, жажда денег искривляет и обезображивает человека. Его исполнение роли Пазухина, очень правдивое, очень реалистическое, очень яркое, по сути было обвинением всему собственническому строю.

И. М. Москвин.

Рис. В. ГАЛЬПЕРИНА.

Вот «Мочалка» из «Братьев Карамазовых». Вначале «Мочалка» как будто забавен. В самом деле, такая смешная фигура, такой унизительный грим, такая странная походка! Но за этим внешним комизмом вдруг постепенно вырастает трагедия человека, характерная для прошлого строя, который мят, давил, душил людей, сохранявших все же в себе подлинный талант, подлинную гордость, подлинное благородство.

Я не знаю другого исполнения, где бы так правдиво и сильно была показана унизительная и мучительная жизнь «маленького человека» в старой России, человека, обиженого жизнью, вынужденного паясничать, чтобы сохранить жизнь своих детей, но человека благородного в своем существе, человека бесконечно честного, неподкупного в том, что касается его совести. Постепенно за внешним юродством, за жалким обликом «Мочалки» вырастает большой души человек, перед которым те, кто над ним издевался, становятся мелкими, ничтожными. И вот момент, когда у Москвина дрожит борода, когда он мощным, единым, сильным жестом комкает деньги, которые ему приносят от обидчика, — этот момент незабываем по своей трагической силе, по силе художественного обвинения того строя, при котором могли так издеваться над человеком.

Москвин наблюдателен, остер и зорок. Он ярко видит жизнь. От его зора художника не ускользает не только крупное, но и кажущееся на первый взгляд слу-

чайным явление. Он видит то, чего мы, не художники, не видим или увидим позже и бледнее, чем он. За образом «Мочалки» возникают тысячи и миллионы таких людей старой России. И за Пазухиным возникают тысячи Пазухиных, потому что Москвин дает не только индивидуальный характер, но и обобщающий яркий тип.

Уже после Февральской революции Москвин в «Селе Степанчикове» сыграл Фому Опсикина. В центре пьесы стоял юродствующий и властный лицемер. И когда прошла премьера, в зрительном зале слышалось слово «распутинщина». В Москвине не было никакого портретного сходства с Распутиным, но он угадал ту же самую сущность, те же корни — темноту, лицемерие, юродство, неправду, расхлябанность, вырождение. Все это Москвин влил в страшный и отвратительный образ Фомы Опсикина.

Как огромный художник-реалист, показывает он людей прошлого. Зритель, застав дышать, смотрит и думает: как страшна, несправедлива, безжалостна была жизнь, которая так уродовала, давила и унижала людей, и как хорошо, что это — прошлое, и какой талант, сила, справедливость и благородство жили в недрах самого народа.

Великая Октябрьская социалистическая революция еще шире раздвинула рамки творчества Москвина, ибо революция поставила театр на службу народа, без которого актер по-настоящему творить не может.

В годы, предшествовавшие революции, Художественный театр переживал кризис. Не было репертуара, не было нужной аудитории, не было общественного окружения. Немирович-Данченко в одной из бесед говорил: «Мы не можем ставить новых постановок, потому что та атмосфера, которая нас окружает, не позволяет делать большое искусство».

Революция принесла освобождение театру и актерам. Вместо обычного, пресыщенного, утомленного, свысока относящегося к искусству зрителя периода империалистической войны в залы театров хлынула взволнованная, нетерпеливая масса, принявшая актера и его искусство всерьез, искавшая в театре ответов на глубочайшие жизненные вопросы. И эта аудитория почувствовала в Москвине своего и ответно полюбила его за его любовь к трудовому человеку, за ненависть к врагам, ко всякому угнетению и унижению человека.

Вероятно, годы гражданской войны в памяти Москвина, как и многих актеров, остались как очень большое и теплое воспоминание. Тогда Москвин впервые встретился с новой аудиторией. Он, как и другие, как великая Ермолова, как Станиславский, ездил в нетопленные клубы, играл в холодных помещениях перед зрителем, одетым в полушубок и валенки. И в этих нетопленных клубах они встречали такой горячей отклик зрителя, о котором давно и думать забыли в прежнем театре. К такой аудитории настоящий художник не может относиться равнодушно. И постепенно Москвин стал раздвигать рамки своего художественного и общественного творчества.

Мы знаем теперь Москвина не только как создателя великолепных ролей, — мы знаем его как общественного, как актера-гражданина, как члена редакционной комиссии по выработке Конституции СССР. Мы знаем его как председателя актерского цеха, как человека, широкие общественные интересы которого вливаются в мощный поток жизни нашей страны.

Я помню, как он волновался и радовался, когда в Париже мы встречали приехавших Героев Советского Союза — Громова, Юмашева, Данилина. Помню, как после спектакля «Любовь Яровая» мы собрались в фойе театра, куда пришли к нам Суриц, Фадеев, А. Толстой, и после победы нашего спектакля мы как бы перенесли мысленно на родину... Нужно было видеть радостные, взволнованные глаза Москвина за гримом профессора Гор-

ностаева, когда он присутствовал на этом импровизированном собрании, где звучало громкое «ура» в честь Сталина, партии и правительства. Москвин жил в эти минуты всем своим существом, ибо сердце его бьется вместе с сердцем народа и каждую победу нашего театра он переживает как победу великого советского народа, для которого он живет и работает.

Когда он играет сейчас Хлынова и Ноздрева, он как бы зовет каждого входящего в зрительный зал человека выкорчевывать из нашей жизни остатки пороков прошлого, стирать родимые пятна капитализма с прекрасного облика советского человека. Как сквозит увеличительное стекло, он показывает: «Смотрите, как это страшно, как это искривляет человека. Смейтесь над этим, но смейтесь смехом победителя, смехом гражданина Советского Союза, который умеет это вырвать в себе и бороться с этим».

Когда в пьесе Леонова «Унтиловск» он показывает омерзительный образ врага Червякова с его ненавистью ко всему свободному и живому, показывает стремление этого врага уничтожить нашу светлую жизнь, — Москвин всей своей игрой зовет к борьбе с врагами, воспитывает непримиримую ненависть к ним.

И когда в «Любови Яровой» Москвин играет профессора Горюстаева, он играет не просто профессора-чудака (это было бы мелко для Москвина), — по одному из лучших людей старой интеллигенции, который, чувствуя ложь старого, жадно ищет правду в революции.

Москвин, как все наши лучшие художники, пришел в революцию делником и с глубочайшей искренностью, ибо он всегда искал большой социальной и жизненной правды. Эту правду он нашел в пролетарской революции, горячо и страстно участвуя в социалистическом строительстве.

Вот чем замечателен образ Москвина. Это огромный художник, вошедший в себя жизнь страны, умеющий нести на сцену трагическое и смешное, историю и современность, эпос и лирику. Лучшие традиции большого искусства принес Москвин на сцену советского театра, и всю свою искренность, талант, упорный труд от всего сердца отдал он новому зрителю. Этот художник-гражданин тесно, глубоко, органически связан с народом, от которого он никогда не отрывался и который именно поэтому выдвигает его в свой высший орган власти — Верховный Совет СССР.

П. МАРКОВ.

МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА
Стел газетных вырезок
ул. Кирова, 26б. Телефон. 96-69
Вырезка из газеты Рабочая Москва
от 3-4 ДЕК 37
Москва

ФРУНЗЕНСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ОКРУГ

Актер, облеченный доверием народа

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ МОСКВИН

И. М. Москвин в Художественном театре — это особая тема. Это рассказ о том, как родился актер, как он рос, как он становился все крупнее и значительнее, как он вбирал в себя судьбы и жизни многих людей, рассыпанных по России, как он стал подлинно советским художником.

Для нас, его товарищей по работе в Художественном театре, Иван Михайлович не только огромная артистическая индивидуальность, но и не меньший моральный авторитет, человек высокой этики, мнение которого часто является решающим для каждого актера, каждого работника театра. Занимает он или не занимает какую-нибудь административную должность, — все равно каждый его совет, каждое его замечание имеют для сотрудника театра непререкаемое значение.

В Москвине неразрывно, гармонически слиты, неотделимы человек и художник, актер и гражданин. В нем нет и намека на раздвоение, на разрыв между взглядами и творчеством.

Иван Михайлович — человек огромной требовательности к другим и прежде всего к самому себе. Своим личным примером, строжайшим отношением к искусству и к общественной деятельности он зовет каждого относиться к своему большому или малому делу так же, как он. Зритель любит его особенно, и каждое появление Москвина на сцене зрительный зал встречает дружелюбной, радостной улыбкой, как будто на сцену вышел не просто исполняющий роль актер, а близкий и родной человек. Между Москвиным и аудиторией сразу устанавливается неразрывная связь.

Москвин глубоко, внимательно готовится к каждому выходу. В антракте, в минуты, предназначенные для отдыха, он думает о том, с чем он появится перед зрителем, и выходит на сцену уже внутренне готовым, с распахнутой душой, полный мыслей, чувств, страстей и волнений того человека, образ которого он в данный момент воплощает.

В нем соединены великолепное вдохновение, зоркая наблюдательность, взволнованность и упорный труд. Москвин не надеется беспечно на свой блестящий талант, а непрестанно совершенствуется, отшлифовывает его глубокой, усиленной работой.

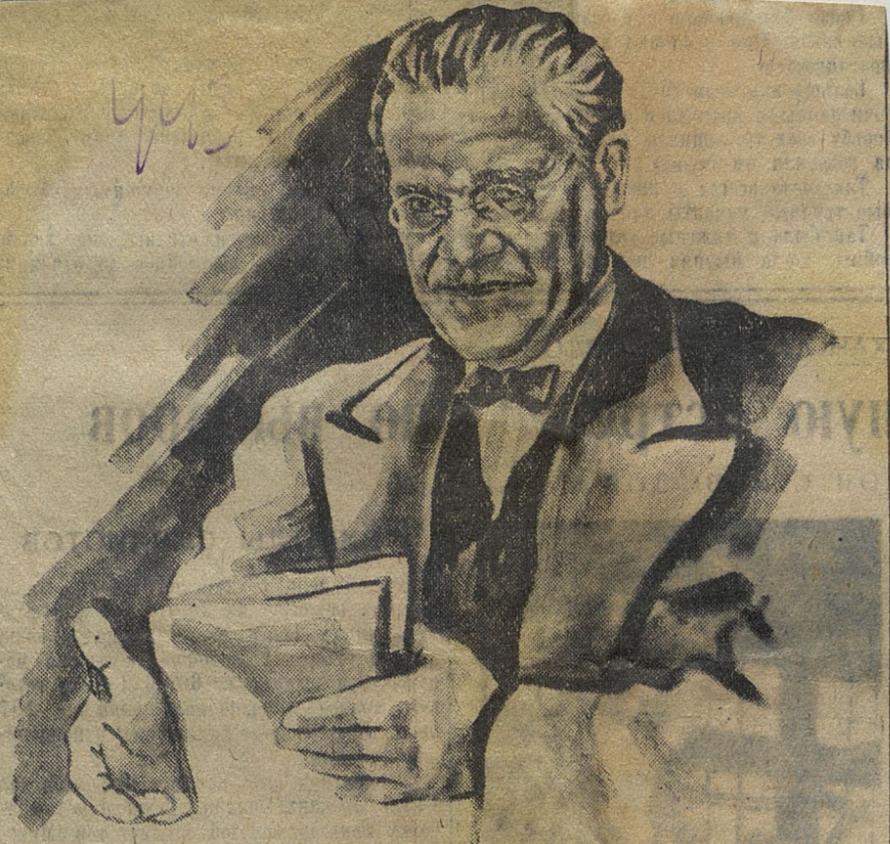
Почти 40 лет назад на даче, в деревне Пушкино, когда готовился первый спектакль Художественного театра, Немирович-Данченко предложил Москвину, новому тогда актеру, главную роль в спектакле «Царь Федор». Это был очень смелый шаг, ибо у Москвина не было тогда большой сценической техники, у него был только талант, вера в искусство и горячая любовь к нему.

И этот шаг режиссера увенчался полной победой.

Какую глубину внес Москвин в исполнение этой роли! Скоро наступает 40-летие Художественного театра, но И. М. продолжает играть царя Федора, все углубляя, делая все более значительным и мудрым свое исполнение.

Уже тогда, 40 лет назад, сказались основные черты творчества Москвина — его любовь к жизни и любовь к человеку. Он не мог не любить «униженных и оскорбленных», он не мог не бороться своими средствами, средствами искусства за то, чтобы человек был освобожден от всяческого порабощения, от всяческого гнета. Поэтому он так свободно вошел в революцию, может быть, сперва не осознавая вполне ясно тех целей, которые она себе ставит.

Москвин играл многие и различные роли. Их не перечислить в короткой статье. Возьмем их основную направленность. Вот Пазухин в «Смерти Пазухина». В этой роли Москвин с необычайной силой показал, как жажда собственности, жажда денег искривляет и обезображивает человека. Его исполнение роли Пазухина, очень правдивое, очень реалистическое, очень яркое, по сути было обвинением всему собственническому строю.

И. М. Москвин.

Рис. В. ГАЛЬПЕРИНА.

Вот «Мочалка» из «Братьев Карамазовых». Вначале «Мочалка» как будто забавен. В самом деле, такая смешная фигура, такой удивительный грим, такая странная походка! Но за этим внешним комизмом вдруг постепенно вырастает трагедия человека, характерная для прошлого строя, который мят, давил, душил людей, сохранявших все же в себе подлинный талант, подлинную гордость, подлинное благородство.

Я не знаю другого исполнения, где бы так правдиво и сильно была показана унижительность и мучительная жизнь «маленького человека» в старой России, человека, обиженого жизнью, вынужденного паясничать, чтобы сохранить жизнь своих детей, но человека благородного в своем существе, человека бесконечно честного, неподкупного в том, что касается его совести. Постепенно за внешним юродством, за жалким обликом «Мочалки» вырастает большой души человек, перед которым те, кто над ним издевался, становятся мелкими, ничтожными. И вот момент, когда у Москвина дрожит борода, когда он мошным, единым, сильным жестом комкает деньги, которые ему приносят от обидчика, — этот момент незабываем по своей трагической силе, по силе художественного обвинения того строя, при котором могли так издеваться над человеком.

Москвин наблюдателен, остер и зорок. Он ярко видит жизнь. От его зора художника не ускользает не только крупное, но и кажущееся на первый взгляд слу-

чайным явление. Он видит то, чего мы не замечаем, не видим или увидим позже и бледнее, чем он. За образом «Мочалки» возникают тысячи и миллионы таких людей старой России. И за Пазухиным возникают тысячи Пазухиных, потому что Москвин дает не только индивидуальный характер, но и обобщающий яркий тип.

Уже после Февральской революции Москвин в «Селе Степанчикове» сыграл Фому Опискина. В центре пьесы стоял юродствующий и властный лицемер. И когда прошла премьера, в зрительном зале слышалось слово «распутинщина». В Москвине не было никакого портретного сходства с Распутиным, но он угадал ту же самую сущность, те же корни — темноту, лицемерие, юродство, неправду, расхлябанность, вырождение. Все это Москвин влил в страшный и отвратительный образ Фомы Опискина.

Как огромный художник-реалист, показывает он людей прошлого. Зритель, застав дыхание, смотрит и думает: как страшна, несправедлива, безжалостна была жизнь, которая так уродовала, давила и унижала людей, и как хорошо, что это — прошлое, и какой талант, сила, справедливость и благородство жили в недрах самого народа.

Великая Октябрьская социалистическая революция еще шире раздвинула рамки творчества Москвина, ибо революция поставила театр на службу народа, без которого актер по-настоящему творить не может.

В годы, предшествовавшие революции, Художественный театр переживал кризис. Не было репертуара, не было нужной аудитории, не было общественного окружения. Немирович-Данченко в одной из бесед говорил: «Мы не можем ставить новых постановок, потому что та атмосфера, которая нас окружает, не позволяет делать большое искусство».

Революция принесла освобождение театру и актерам. Вместо обычного, пресыщенного, утопленного, свысока относящегося к искусству зрителя периода империалистической войны в залы театров хлынула взволнованная, нетерпеливая масса, принявшая актера и его искусство всерьез, искавшая в театре ответов на глубочайшие жизненные вопросы. И эта аудитория почувствовала в Москвине своего и ответно полюбила его за его любовь к трудовому человеку, за ненависть к врагам, ко всякому угнетению и унижению человека.

Вероятно, годы гражданской войны в памяти Москвина, как и многих актеров, остались как очень большое и теплое воспоминание. Тогда Москвин впервые встретился с новой аудиторией. Он, как и другие, как великая Ермолова, как Станиславский, ездил в нетопленные клубы, играл в холодных помещениях перед зрителем, одетым в полушубок и валенки. И в этих нетопленных клубах они встречали такой горячий отклик зрителя, о котором давно и думать забыли в прежнем театре. К такой аудитории настоящий художник не может относиться равнодушно. И постепенно Москвин стал раздвигать рамки своего художественного и общественного творчества.

Мы знаем теперь Москвина не только как создателя великолепных ролей, — мы знаем его как общественника, как актера-гражданина, как члена редакционной комиссии по выработке Конституции СССР. Мы знаем его как председателя актерского цеха, как человека, широкие общественные интересы которого вливаются в мощный поток жизни нашей страны.

Я помню, как он волновался и радовался, когда в Париже мы встречали приехавших Героев Советского Союза — Громова, Юмашева, Данилку. Помню, как после спектакля «Любовь Яровая» мы собрались в фойе театра, куда пришли к нам Суриц, Фадеев, А. Толстой, и после победы нашего спектакля мы как бы перенеслись мысленно на родину... Нужно было видеть радостные, взволнованные глаза Москвина за гримом профессора Гор-

ностаева, когда он присутствовал на этом импровизированном собрании, где звучало громкое «ура» в честь Сталина, партии и правительства. Москвину жил в эти минуты всем своим существом, ибо сердце его бьется вместе с сердцем народа и каждую победу нашего театра он переживает как победу великого советского народа, для которого он живет и работает.

Когда он играет сейчас Хлынова и Ноздрева, он как бы зовет каждого входящего в зрительный зал человека выкорчевывать из нашей жизни остатки пороков прошлого, стирать родимые пятна капитализма с прекрасного облика советского человека. Как сквозь увеличительное стекло, он показывает: «Смотрите, как это страшно, как это искривляет человека. Смейтесь над этим, но смейтесь смехом победителя, смехом гражданина Советского Союза, который умеет это вырвать в себе и бороться с этим».

Когда в пьесе Леонова «Унтиловск» он показывает омерзительный образ врага Червякова с его ненавистью ко всему свободному и живому, показывает стремление этого врага уничтожить нашу светлую жизнь, — Москвин всей своей игрой зовет к борьбе с врагами, воспитывает непримиримую ненависть к ним.

И когда в «Любови Яровой» Москвин играет профессора Горностаева, он играет не просто профессора-чулака (это было бы мелко для Москвина), но одного из лучших людей старой интеллигенции, который, чувствуя ложь старого, жадно ищет правду в революции.

Москвин, как все наши лучшие художники, пришел в революцию целиком и с глубочайшей искренностью, ибо он всегда искал большой социальной и жизненной правды. Эту правду он нашел в пролетарской революции, горячо и страстно участвуя в социалистическом строительстве.

Вот чем замечателен образ Москвина. Это огромный художник, вобравший в себя жизнь страны, умеющий нести на спине трагическое и смешное, историю и современность, эпос и лирику. Лучшие традиции большого искусства принес Москвин на сцену советского театра, и всю свою искренность, талант, упорный труд от всего сердца отдал он новому зрителю. Этот художник-гражданин тесно, глубоко, органически связан с народом, от которого он никогда не отрывался и который именно поэтому выдвигает его в свой великий ряд власти — Верховный Совет СССР.

П. МАРКОВ.